

МАТЪЯНГА

Весна 1979 года выдалась в Томской области бурной и многоводной. Затерянный в самом центре громадных Васюганских болот посёлок геологов и охотников Новый Васюган, поддерживавший связь с внешним миром в основном благодаря малой авиации, каждую весну оказывался отрезанным от большой земли. Причина была проста - талая вода заливала аэропорт и его закрывали, пока не высохнет. В этом году ожидание обещало затянуться. По вошедшему в прибаутки и частушки своей извилистостью коричневому от болотных вод Васюгану в навигацию завозили груз баржами, особенно интенсивно завоз шёл в большую воду, к концу июня река мелела и недогруженные баржи скребли по перекатам. Пассажирские речные трамвайчики давным - давно не ходили - кому охота долгими днями смотреть в иллюминатор на однообразные таёжные берега, когда за вполне сносную цену трудяга - биплан «АН - 2» за считанные часы доставит на «большую землю»? О постройке бетонной дороги к Оби тогда ещё только мечтали, вот и получалось, что из таёжного посёлка в весенний сезон было ни выехать, ни вылететь. Но для геологов - нефтегазоразведчиков всегда был к услугам вертолётный парк. Материальных средств и финансов для поиска нефти и газа партия и правительство не жалели, и на территории Ново - Васюганского аэропорта всегда стоял арендованный трудяга - вертолёт, и не один. Перевахтовка буровых бригад по разбросанным по необъятным болотам буровым точкам, завоз и вывоз вышкомонтажников, а для рабочих нужны продукты, а для буровых материалы и оборудование, и срочно - всё вертолёт. Конечно, крупногабаритные грузы завозились на тракторах по зимнику, летом по болотам прыгал ГТТ(гусеничный тягач танковый) — перевозки на вертолёте довольно дороги, а грузов великое множество.

Базировавшаяся в Новом Васюгане Западная нефтегазоразведочная экспедиция была старейшей в Томском геологообъединении. Создана она была в далёком 1956 году при при Новосибирском геологоуправлении. Затем были созданы другие геологоразведочные экспедиции, всевозможные вспомогательные геологические предприятия и базы. Образовалось своё, Томское геологоуправление, выросшее затем в геологообъединение. Но всегда Западная геологоразведочная экспедиция (на местном сленге Западная разведка), созданная самой первой в области, оставалась первой и по производственным показателям. Передовой она была не только по области, но и по министерству геологии РСФСР.

На тот период «Западной разведкой» руководил молодой и перспективный начальник, кандидатура которого была предложена пошедшим на повышение предыдущим начальником, кстати, великолепным специалистом, и одобрена высшим руководством и партийным начальством. Но новый начальник экспедиции прославился не только как толковый специалист, но и руководитель, широко занявшийся

социальной сферой - активно развернул жилищное строительство, упорно выбивал товары для местной торговой сети в тот век всеобщего дефицита, подбирал и закреплял молодые кадры.

Редко уважали в советское время начальников, но его уважали. И неудивительно, что перспективный руководитель в начале восьмидесятых годов совершил стремительный карьерный рост. Сначала был назначен первым секретарём партии соседнего района, затем зав. отделом обкома по нефти и газу, потом стал первым секретарём Колпашевского горкома партии, откуда и был избран в перестроечный Верховный Совет СССР, где возглавил важный социальный отдел. После разгона Верховного Совета в 1993 году следы его затерялись, но память он о себе оставил хорошую. Правда, был один любопытный казус...

В описываемое время я работал в отделе снабжения той самой Западной геологоразведки. Мотался безостановочно по области. Обычно задания ставил заместитель, но перед самыми майскими праздниками вызвал Сам, который задания давал только тогда, когда поручение было важным для экспедиции и для решения вопроса требовались его связи.

— Значит, такое дело. Сразу после праздников, третьего, срочно вылетаешь в Колпашево. Там в РЭБе на ремонте двигатель ГТТ. Зима кончилась, сейчас без тягачей никуда. Берёшь борт, в заявке с тобой киповец и начальник ОРСа. Вылет в девять. Все в курсе - и твои пассажиры, и экипаж, и диспетчер. Зав ОРСом займётся своими делами, киповца возьмёшь с собой в РЭБ, у нашего отдела КИП там тоже срочные дела. Машина будет ждать в порту, но сначала там же зайти в ПАНХ (помощь авиации народному хозяйству), напомним, что борт должны дать про первому требованию. Приедешь на базу — сразу звони, как дела. Обещали всё сделать к праздникам, да что - то тянут. Я отсюда буду беспокоить, ты там стой у них над душой. Без двигателя не возвращайся, попутчики всё сделают — пусть ждут. Обрато есть пара наших пассажиров - решишь на месте. Зав.ОРСом пусть груза самую малость возьмёт, не для него канитель. Да, с командировочными получишь наличку, чтобы работяги в погрузочно - разгрузочном процессе тебе помогли, а то ведь сдадут двигатель и «до свиданья, не наше дело». На связи будь постоянно, звони и днём, и в конце рабочего дня.

3 мая в 9 часов утра, сразу с открытием аэропорта, незаменимый МИ - 8 помчал нас на юго - восток. Быстро скрылся из иллюминатора стоящий на высоком песчаном яре Новый Васюган, затем расположенный на высоченном яру посёлок Айполово.

Айполовский яр, кто бы мог подумать, вошёл в книги по военной истории. В древности пришли через верховья Васюгана из иртышских степей кочевники брать дань и творить насилия к столице васюганских хантов Айполово. Но воинственные охотники и следопыты сразу узнали о походе и приготовились. Были заготовлены на песчаных гривах сосновые брёвна и доставлены в Айполово. Не для укрепления городища, нет. Брёвна были связаны в пакеты и расположены по - над яром. И когда

враг ринулся на штурм, на него посыпалась лавина брёвен. «Иной удалец через шесть брёвен перескакивал, седьмое сбивало» - пересказывал мне сохранившуюся в народном эпосе историю старый хант. Эти жёлтые яры, много столетий подмываемые весенними разливами, видны с воздуха издали среди однообразного низинного пейзажа болот и чахлого леса.

Через полтора часа тряски показались светлые воды Оби, ещё через полчаса - песчаный яр на правом берегу Оби, на котором располагалась старая часть небольшого, в основном деревянного, сибирского города. Яр этот гораздо ниже айполовского и пониже васюганского, но тоже виден издали.

По приземлении зашёл в ПАНХ, получил подтверждение на предоставление мне борта на обратный рейс. На присланном за нами с базы комплектации бортовом «Газике» мы с киповцем, старшим братом моего друга - одноклассника, быстро доехали до базировавшихся в нижней части города, на берегу Оби, расположенных рядом базы комплектации (УПТОК) и ремонтной базы (РЭБ флота). Эти обе организации, как и расположенный в городе Геофизтрест, находились в прямом подчинении головной томской организации. Ещё для расширения буровых площадей комплектовалась при Томском Геологообъединении пятая геологоразведочная экспедиция - Колпашевская. Первые четыре были Западная, Александровская, Средневасюганская и Каргасокская.

Зайдя первым делом в РЭБ, где кроме речной техники ремонтировали и сухопутную, убедился, что двигатель ещё не готов, убедительно переговорил с ремонтниками и отправился в находящийся буквально за забором УПТОК, оставив в местном отделе КИПа своего попутчика. База выполняла комплектационно - снабженческие функции по завозу материалов и оборудования на нефтеразведочные томские Севера, а директором её был пожилой славный дядька, пославший, кстати, за нами машину. Поэтому звонить на базу я пошёл к нему, да и посоветоваться с ветераном снабжения не помешало бы.

На дворе базы стояли три молодых и явно скучающих дамы. Дело в том, что у начавшей недавно создаваться Колпашевской экспедиции своей конторы ещё не было, и она квартировала в УПТОКе. Тем более, состояла она пока из четырёх человек: начальника экспедиции, главбуха, заведующей кадрами и секретарши. Директор мотался по организационным делам, оставшийся личный состав был передо мной. При виде свежего лица дамы явно оживились:

- Серёжа приехал! - Серёж, пойдём, мы тебе мужика покажем! - Хороший мужик, только плоский!

- Да вы что, девчонки, зачем мне мужик, да и ещё плоский! Вот вы - другое дело, да к тому же и вовсе не плоские!

Дамы как - то странно среагировали на вполне заслуженный комплимент. Сразу сникли, переглянулись, и одна спросила:

-А ты что, не знаешь?

-Только с вертолёта, что я знать - то должен?

И тут дамы затараторили, перебивая друг друга:

-Так у нас старую милицию подмыло!

-На Матьянге которая!

-В аккурат на Первое мая!

-А там яма громадная с расстрелянными, они там ссохлись все, как мумии, в воду попали и поплыли...

- Не пускают никого, огородили уже...

Матьянга - район старого Колпашево, расположенный по - над Обью в верхней части города. С началом массового раскулачивания старинное сибирское село Колпашево, основанное казаками в середине XVII века, стало не просто одним из основных административных центров ссылки молодого пролетарского государства, а центром Нарымского округа громадной Новосибирской области, в округ входили все северные районы современной Томской области. Самостоятельная Томская область была образована в 1944 году, но Нарымский округ, может и под другим названием, благополучно просуществовал на благо пролетарского государства до 1956 года включительно. В Колпашево была построена солидная кирпичная тюрьма, Колпашево направляло в низовья Оби и по её притокам нескончаемый караван барж с ссыльнопоселенцами, ссыльные селились под бдительным оком комендатуры и в самом Колпашево, получившем в 1938 году статус города.

Об изуверском обращении со ссыльными приходилось слышать с раннего детства, источников было хоть отбавляй. И о том, как выбрасывали на пустынный берег, оставив одну пилу и один топор на несколько семей, как морили голодом, заставляли непосильно трудиться на различных заготовках, избивали. Непокорных и языкастых сажали в деревянные тюрьмы при комендатурах и затем отправляли в Колпашево, откуда они, как правило, не возвращались. Ссылали «кулаков», «беляков», «контру» и «буржуев». Раскулаченные поступали со всей страны - от Подолии до Забайкалья, от Прибалтики до Закавказья. Кончились раскулаченные и «бывшие» - перед войной и после неё настал черёд представителей Прибалтики, Молдавии и Черновицкой области.

Заместитель коменданта Зырянского района сначала удивлялся — всё каких - то хохлов шлют, потом разобрался, что это казаки бывших казачьих войск - даже коллекционировать начал — насобирал, как рассказывал мне мой товарищ, занимавшийся исследованиями томской ссылки, от донских до забайкальских. Прибывали не только бывшие в оккупации черкесы, но и абхазы, турки, лазы. Эстонцы и молдаване, прибалтийские и бессарабские евреи, финны. Рыбаки, хуторяне, интеллигенты, помещики. Среди турок были не только месхетинцы, но и офицеры Османской императорской армии, попавшие в плен ещё в I Мировую войну, лично доводилось видеть их ещё мальчишкой. После ликвидации комендатур и «разоблачения культа» турецкий «МИД» вывозил на историческую родину их и их потомков до конца семидесятых годов.

В начале войны в «ссылный» округ поступила большая партия немцев - колонистов с Алтая, в основном колхозников. С началом войны деревня лишилась миллионов рабочих рук. Казалось бы, поставь в компактные национальные немецкие сёла по коменданту - энквэдэшнику, и пусть трудятся на оборону, но мудрое руководство решило более мудро - вывезти их всех в ржавые болота Приобья, где дай Бог самих себя прокормить.

В плановом «народном» государстве и по ссылке был план. Так, помню, рассказывала мать моей одноклассницы, семья которой была выслана с Прииртышья:

- Отец у нас, царствие ему небесное, первый пропойца в селе был, мы и дораскулачивания с хлеба на воду перебивались. Вроде набрали на раскулачивание всех крепких хозяев, а одного и не хватает до спущенного плана. Ну и решили нашу семью сослать. И план мол выполним, и от забулдыги избавимся. Ну а мы, дети малые, и мать наша при чём? Да и отец под категорию кулака никак не подходил.

С Прииртышья был выслан с семьёй и наш сосед дед Андрей. Тот вроде по всем статьям середняк был. Держал небольшое, но крепкое подсобное хозяйство и кузницу, на которой выполнял заказы односельчан. Во время вышеуказанной важной государственной компании на сельском сходе составляли списки на раскулачивание. Та же история, одного «кулака» до спущенного руководством сверху плана не хватает. Тут встаёт местный охотник и предлагает:

- А давайте Степанова сошлём, он мне нож не сковал. И сослали. Слава Богу, в лихолетье семья выжила, а когда после «разоблачения культа» со ссылных сняли ограничения, поставил себе добротную усадьбу с хозяйственными постройками, сразу завели с женой корову и прочую живность. Семья наша покупала у крепких ещё стариков молоко, и я, будучи парнишкой, каждый вечер ходил к ним с двухлитровой банкой. Дети их, выучившиеся и получившие высшее образование, давно разъехались, телевизоров тогда в сибирской глуши не было, а общительный и добрейший старик любил поговорить, что -нибудь рассказать. В один из зимних вечеров мы сидели с ним за столом и степенно беседовали. Тем более был предлог — жена его, баба Нюра, ещё доила. Было мне тогда уже лет тринадцать — четырнадцать. Во время разговора он взглянул в окно, задумался, подвинулся поближе. За окном в наступающих сумерках лениво падал крупный снег.

- Вот такая же погода стояла, когда лошадь коменданта из Майска привезла - вдруг сказал он. Дед Андрей знал мою любовь к делам давно ушедших годов, и с удовольствием поведал мне эту характерную для тех лет трагическую историю.

Суть поведанных мне событий в следующем. С 1930 года, как уже говорилось, в отдалённые районы современных Томской и Кемеровской областей, входивших тогда в громадную Новосибирскую область, пошёл массовый поток спецпереселенцев, вызванный гениальным партийным

планом массовой коллективизации сельского хозяйства. Вслед за раскулаченными направили прочий ненадёжный и подозрительный элемент, который мог помешать строительству социализма в нашем отдельно взятом народном государстве. Как грибы росли спецкомендатуры ОГПУ. Ссылные контактировали с местным населением, сбегали, да и просто комендатуры не вмещали всего потока ссыльных. Тогда стали осваивать наиболее отдалённые медвежьи углы, которых практически не коснулась цивилизация. Спецпоселения появились не только по нижнему течению Оби, но и по её северным притокам. Так появился в 1933 году Васюганский район, населённый ранее только редкими хантыйскими родовыми поселениями.

Берег таёжной реки от устья до истоков покрылся спецпосёлками, районным центром стал высокий песчаный яр в верховьях Васюгана, бывший ранее местом захоронения для окрестных охотничьих родов. Место это и имело соответствующее название - Могильный Яр. С образованием райцентра и созданием в нём спецпоселения новообразованный посёлок получил более благозвучное название - Новый Васюган. Вся власть на Васюганье принадлежала коменданту НКВД, преобразованного из ОГПУ в 1934 году. Ему подчинялся многочисленный штат заместителей, надзирателей, милиционеров и даже пожарников. Недалёкие и малограмотные люди упивались властью. А в конкретном случае, рассказанном мне бывшим ссыльнопоселенцем, произошло вот что.

Один из васюганских комендантов (а за годы существования комендатуры в её начальниках побывал не один комендант) в погожее зимнее утро сел в нарядную личную кошовку и поехал инспектировать самый западный участок своих владений, расположенный у истоков Васюгана — посёлок Майск. Поехал один, да и кого ему бояться - не затравленных голодных ссыльников же. Дорога по льду замёрзшей реки была ровная, день тёплый, лошадка резвая. К ночи доехал. Остановился в ухоженном медицинском участке. Сначала сходил в натопленную для него баньку, потом сел кушать с водочкой (видно, местное начальство постаралось - персонал медучастка состоял из ссыльных, а они, как и остальной спецконтингент, голодали). Откушавши, бравый комендант изнасиловал прислуживавшую ему молоденькую медсестру - девчущку лет восемнадцати. Встав утром, он посчитал свой инспекторский визит выполненным, сел в заложенную для него кошовку и убыл восвояси.

Такая инспекторская деятельность коменданту понравилась. Через некоторое время он решил её повторить. Так же сел в кошовку, так же доехал, так же пошёл в баньку. Но медсестра оказалась отчаянной и гордой девчонкой. Когда обременённый властью кабан сел за стол, она достала из кобуры оставленный им вместе с кителем перед походом в баню на вешалке наган и застрелила насильника в упор. Затем запрягла комендантскую лошадь, волоком дотащила труп и погрузила в кошовку. Понукнула лошадь, и она рысцой побежала к родной конюшне. И лошадка побежала знакомой дорогой обратно, к следующему вечеру

добежала до Нового Васюгана и встала у знакомого крыльца.

Конечно же, виновница происшествия была сразу выявлена, арестована и этапирована в Колпашево. Героически погибшего в борьбе с контрреволюцией коменданта похоронили на территории посёлка, на самом высоком месте васюганского яра, по - над обрывом и поставили памятник. Рядом сколотили крепкую деревянную трибуну, с которой районное руководство в знаменательные дни произносило перед народом речи (всё как у людей, всё по - настоящему, даже крышу над крыльцом деревянного райкома подпирали деревянные же колонны а - ля сталинский ампир).

Но после смерти вождя список поднадзорных стал сокращаться, многие ссыльнопоселенцы начали разъезжаться. В 1956 году, после XX съезда, комендатура была ликвидирована и было разрешено уезжать последним поднадзорным «лишенцам» - туркам, многие из которых имели турецкое гражданство. Васюганский район по ненадобности и сокращении населения был ликвидирован и присоединён к соседнему Каргасокскому району. Почитать могилу насильника в свете последних постановлений партии и разоблачения товарища Берии стало аполитично. Памятник на могиле, также деревянный, как - то сам собой оказался разломанным до основания (явно при помощи ссыльной молодёжи - разъехались не все, не сразу - и некуда многим было, и не ждал уже многих никто).

А Васюган продолжал каждое весеннее половодье подмывать песчаный яр. За памятником, ниже по течению, каждый год подмывало и рушило старые хантыйские захоронения XVIII – XIX веков, и мы, мальчишки, собирали позеленевшие медные монеты, которые клали по древнему ритуалу в могилы усопших таёжников. В один год в начале шестидесятых, в сильное половодье, в одну из ночей рухнула подмытая глыба песка вместе с могилой коменданта, и унесла вода «героя - чекиста». И ажиотажа по этому поводу не было - был да сплыл.

Похожее произошло теперь в Колпашево. Из года в год Обь подмывала яр, на котором располагалась ранее территория НКВД - «старая милиция». Там содержали, пытали, допрашивали, расстреливали. И там же, в глубоких ямах, хоронили. Не обязательно, впрочем, и расстреливали. Жил в Новом Васюгане пожилой бобыль дядя Ваня. Спокойный, добродушный, с постоянной улыбкой на лице. Ходить ему было тяжело - одна нога у него не сгибалась в колене, и он её буквально выбрасывал при ходьбе вперёд. Приходилось мне видеть его хромую ногу в промхозовской бане. Вокруг ноги у колена шёл толстый хрящевой нарост, как кап вокруг берёзового ствола. Как - то по случаю мы с другом Серёгой, а было нам лет по шестнадцать, спросили его, где же он так искалечил себе ногу.

- А в колпашевской тюрьме, ребята — со своей добродушной полуулыбкой ответил он. - Надзиратели мне ногу в обратную сторону вывернули, смеялись, кузнечиком мол теперь будешь. Парнем я тогда ещё

был, чуть постарше вас. Нас полную камеру набили, на улице жара, не дыхнуть. И несколько дней не кормили, сколько ни просили. Наконец принесли здоровенную лохань солёной рыбы. Все сразу на неё и накинулись. А со мной все эти дни старый большевик сидел, подружился. Как рыбу принесли, он меня за руку схватил — не ешь, терпи, не ешь. Я его послушал. А остальные, вся камера, съели всю рыбу, что принесли. Спустя время что началось — люди стали просить пить, стучать в дверь камеры — пить не дают. Только иногда дверь откроют, поссут в камеру — пейте! Страшно умирали! Умерли все, кроме меня с большевиком. Ну а мне потом ногу вывернули.

Рассказав нам это, он развернулся и ушёл, привычно выбрасывая вперёд свою искалеченную ногу, хотя до того вроде никуда не торопился. Но и до тюрьмы, рассказывали, доводили не всех. В начале тридцатых топили прямо с баржи - камень на шею - и в Обь. Ну а расстрелянных и погибших складывали рядами в ямы, вырытые на территории учреждения. Затем их заливали известью и присыпали песком. Потом сверху ложили ещё ряд жертв, также заливали известью, присыпали песком... Слухи ходили потом разные - и что яма эта, хоть и большая, но одна. И что якобы есть ещё ямы, подальше от берега.

Но как бы ни было - яма преподнесла подарок и местным, и центральным властям в 1979 году в аккурат на пролетарский праздник 1 Мая! Залитые известью и засыпанные песком трупы жертв построения социализма и бесклассового общества не разложились, а высохли и мумифицировались. И, попав в воду, они не утонули, а поплыли по Оби, вдоль Колпашево.

На сибирском севере, когда бензин был дешёвым, бытовала такая традиция. Не успеет сойти лёд на реках, как спускают лодки - дюральки и начинают носиться кругами. Зачастую с несчастными случаями. Так и тут. Начали колпашевцы в праздничный день по реке кататься, а по ней высохшие мумии плывут. В сохранившейся одежде, можно было, как рассказывали, рассмотреть черты лица. Но самый жуткий случай рассказала мне одна из конторских дам Колпашевской экспедиции. Во время такой первомайской лодочной прогулки, проносясь мимо плывущих мумий, у одной они остановились.

- Ты представляешь, девочка плыла, лет пяти, не больше, На ней домотканый сарафанчик был, такой линияло - синий, и такая же косыночка, а в косынке аккуратная дырочка, и вокруг неё коричневое — кровь запеклась. Так жутко сразу стало...

Вечером, устроившись в заранее забронированную гостиницу с киповцем Виктором, пошли попить славившегося тогда по Сибири колпашевского пива. Первым технологом колпашевского пивзавода, как рассказывали, был военнопленный австриец, проживший долгую жизнь, а потом его ученик, которого после описываемых событий переманили в Новороссийск. Когда заполняли докуменнты на гостиницу, администраторша и её коллега переговаривались:

- Эти хоть геологи, а то вся гостиница кагэбэшниками и прокурорами забита, все с красными корками... - Правда, справедливости ради следует отметить, что синхронно с обвалом ямы в болота упали два МИ - 2 Колпашевского ПАНХа. Но падение даже двух вертолётов такого ажиотажа не вызвало бы.

Пиво мы пили врасположенном недалеко от гостиницы павильоне вместе с подошедшим коллегой Витька - киповцем РЭБа. Недалеко, через дорогу, под берегом, протекала великая сибирская река. Разговор, начавшийся о работе, быстро перетёк в обсуждение происходящих событий.

- Заставляют уже с предприятий людей мумии баграми ловить, ломать и крошить, чтобы тонули. Вот народу радость! А над покойниками при жизни поиздевались, и над останками глумятся. У меня вчера собака руку притащила, по локоть отломанную, высохшую. Из - под кожи жилы торчат, видно каждую. Я взял лопату, пошёл закопал. Она отрыла, опять принесла. Пришлось идти дальше и зарывать глубже - рассказал нам колпашевец.

На следующий день на взятом в УПТОКе грузовичке поехал по снабженческим делом на другой конец Колпашево. Проезжали мимо старой милиции. Большой участок территории был отгорожен полукругом от одного края обрыва до другого высоченным, метра в три высотой забором из новых толстых досок внахлест. Ведь не только надо было скрыть следы изуверства, не только оградить место происшествия от ротозеев - к яме потянулись старики в надежде опознать родственников. Из Нового Васюгана, когда открылся аэропорт, ездил одна старушка тоже в надежде найти давным - давно забранного «органами» мужа. Никого, конечно, к яме не пустили. А гражданам ненавязчиво объясняли, что это трупы расстрелянных в войну дезертиров. Правда, многовато для дезертиров.

Дезертиров было единицы, дружно пошли томичи на фронт, в том числе и ссыльнопоселенцы, дети репрессированных. Когда речь пошла о сохранности большевистско - номенклатурной шкуры, вождь приказал осенью сорок первого брать на фронт всех сибиряков - надёжный мол народ. А вот и ответ — народ уничтожали сознательно — умные, инициативные, самостоятельные и хозяйственные новой власти были не нужны, нужны были холоуи и зомбированные пролеткульта рабы. Кто были дезертиры? Та девочка в домотканом сарафанчике?

На третий день нашей командировки ремонт двигателя подошёл к концу, но что - то не срослось с транспортировкой и пришлось остаться ещё на одну ночь в гостинице. Так как наши места были сданы, нас с Виктором подселили в освободившиеся два места трёхместного номера. Узнал ли оставшийся жилец меня, не знаю, но я его сразу вспомнил. Этот товарищ посещал со мной военную кафедру на одном потоке, и все знали, что он распределяется в крайне престижный тогда КГБ.

Посмотрели перед сном по телевизору передачу о причинах чешских

событий шестьдесят восьмого. Сошлись во мнении, что чешские товарищи - продажные товарищи. Да и как не сойтись - чёрный след оставили после себя эти «братья - славяне» в Сибири и на Урале в гражданскую войну. В ненависти к ним были солидарны и белые, и красные. После просмотра легли спать, но тут нашего соседа вызвали, он вышел переговорить. Никаких государственных тайн они, естественно, не выдавали, а слышно было, как за дверью они дружно хаяли постоянно набивавшийся в туфли песок. То есть руководство страны и области отлично знало, кто и при каких обстоятельствах был захоронен на Матьянге. И пресловутый культ личности был вроде бы разоблачён и заклеимён ещё двадцать три года назад самой партией, а правды боялись. Прятали её, ввали.

На следующее утро загрузив в аэропорту в вертолёт меня, киповца, начальника ОРСа с двумя флягами сметаны и двух пассажиров, экипаж взял курс на грузовую площадку за двигателем. МИ - 8 официально брал «тонну внутрь - тонну на подвеску». Лихо приняв застропалённый двигатель прямо с борта «ЗИЛ»а, вертолётчики рванули за Обь. Но курс взяли в аккурат через Матьянгу. Пролетая злосчастную яму, ненадолго зависли над ней. Экипаж был лихой, командир - известный на Северах ас. Открывшаяся внизу картина представляла следующее. Уже знакомый мне забор, за забором громадная размытая яма, четко отличавшаяся по цвету от песчаного цвета яра справа и слева от забора. В яме был и песок, и белые полосы извести, и какие — то бурые ошмётки - те самые мумифицированные остатки несчастных. И всё это старательно перемалывалось и перемешивалось винтами наползавшим на яму задом речного буксира. Вода вокруг кипела от работы винтов, вся грязная от ила и вымытого содержания ямы. Пыхтун - буксир силой инерции отбрасывало от размыва в Обь, но он снова и снова настырно лез винтами на яму. Позже слышал, что якобы применялся для размыва мощный водомёт. Может и применялся на каком - то этапе, но я видел работу обычного, крашеного в серую краску речного толкача - буксира.

Снимали подвеску и высаживались сами мы не в порту, а на грузовой площадке в верхней части посёлка, недалеко от реки. Встречал нас на своём «уазике» сам начальник экспедиции. Причин было две. Первая - прибыл долгожданный двигатель, который так ждали, и вторая - я извернулся и умыкнул дефицитного аса — вертолётчика, которого по некоторым причинам не пускали работать в наш район. Теперь Георгию Семёнычу (так звали начальника экспедиции) надо было быстро договориться с любимыми работодателями асом, как задержать его для работы в экспедиции, ведь действительно спохватившееся потом начальство ПАНХа подняло крик, но наша акция в тот раз удалась.

Первым из вертолёта выпрыгнул я. После «хорошо всё сделали, молодец» начальник спросил:

- Ну а в Колпашево что нового? - Старую милицию размыло, мумифицированные трупы по Оби плывут, Георгий Семёныч - ответил я.

Лицо его стало удивлённо - недоумённым. - Как это так? - Последовал его естественный вопрос. Будучи членом бюро Каргасокского райкома партии, он должен был получить такую информацию, но по радиосвязи в те заидеологизированные и засекреченные времена ему бы никто говорить не стал. Но позже он информацию и инструкции должен был получить обязательно. И вообще к концу мая происшедшее в Колпашево стало тайной Полишинеля не только для Томской области, но и для западных средств массовой информации. Но вот лет через десять, на пике перестройки и гласности, у Георгия Семёныча, бывшего тогда первым секретарём Колпашевского горкома, взял интервью корреспондент областной газеты. В числе прочих вопросов корреспондент спросил его и о событиях мая 1979 года. Ведь не просто было обнаружено массовое захоронение репрессированных, изуверски были уничтожены их останки.

- Об этом ничего не знал, меня тогда в Колпашево ещё не было — ответил интервьюируемый.

Почему он так ответил? Партийная дисциплина? Боязнь мести бывшего первого секретаря Томского обкома Егора Лигачёва, непосредственного руководителя уничтожения захоронения, ставшего к тому времени одним из первых лиц в государстве? Опасение того, что скоро всё вернётся на круги свои, и болтуны ответят победителям, как бывало в стране не раз за её историю? Элементарная боязнь поломать карьеру? Видимо, всё вместе.

История эта с интервью частная, но показательная, взывающая к философским раздумьям - не потому ли у нас возможно совершать любое зло, так как оно будет замолчено, скрыто, а зачастую оправдано и поддержано? И в какой стране будет возможно тирана и палача выдавать со всех трибун его разномастными почитателями за спасителя и отца нации, а развал и уничтожение экономики государства, приведшие к необратимым последствиям, демографической яме, потере мирового престижа выдавать за построение мощнейшей экономической системы - «принял вождь Россию с сохой, сдал с атомной бомбой». Но тогда почему всё развалилось в одночасье, как картонный домик, если так хорошо и правильно было сделано? Германия потерпела два сокрушительных поражения в войнах, пережила репарации, нацизм, разделение Германии. Но ныне, как и когда - то, Германия - ведущая европейская держава с крепкой армией. Почему? Может быть, потому, что в Германии не было (за исключением временно одной её части, известной как ГДР) массовых национализаций и конфискаций, массовых уничтожений целых слоёв общества, немецкие матросы не топили в 1918 году своих офицеров в балтийских водах, солдаты не расстреливали своих вчерашних боевых командиров? Может, потому, что Германия покаялась, признала свои ошибки и запретила пропаганду национал - социализма во всех его проявлениях? До сих пор разыскивают нацистских преступников, которым уже под девяносто и за девяносто. Правда, иногда это уже доходит до маразма, как в случае с Демьянюком, но, тем не менее, преступники

называются преступниками и отдаются под суд, невзирая на давность.

После описанной выше командировки через несколько дней назрела новая командировка, на этот раз в Каргасок. Аэропорт всё ещё был закрыт, и для полёта был выделен старый, с бензиновым вонючим двигателем МИ - 4. Со мной полетели наша кассирша с охранником, наш участковый по делам в райотдел и по своим делам ветеран экспедиции, старинный приятель моего отца дядя Коля. Дяде Коле было тогда за чуть за пятьдесят, был он большой балагур и интересный рассказчик. Сослан он был на Васюган с родителями, будучи ещё маленьким мальчишкой, пережил все прелести социалистического перевоспитания мелкобуржуазных элементов, многое помнил. Все свои дела мы переделали за день, на следующий день поутру собрались обратно. Но молодой шалопут - вертолётчик куда - то угнал свою тарактелку, впоследствии был большой скандал, но, тем не менее, мы «загорали» на лавочках каргасокского аэропорта под тёплым майским солнцем около трёх часов. Я активно общался с дядей Колей. Разговор коснулся, естественно, и недавних колпашевских событий, а затем и нравов времён ссылки и комендатуры.

- Помнишь могилу с комендантом на яру - во время разговора спросил он - забавник был комендант. - Как же, наслышан, рассказывали. - А рассказывали, как он заставлял величать посёлок Татьяновкой, в честь своей жены, а центральную улицу, да, которая Советская, по кличке своей любимой собаки? Развлекался как мог и умел. Кстати, жена его любимая, вдова то есть, долгое время в соседнем районном центре заведующей библиотекой работала, ещё в шестидесятых годах. Перед пионерами выступала, о своём героическом муже рассказывала. Местной многотиражке она как - то интервью давала, тоже о героическом муже, как он устанавливал советскую власть на Васюганье и трагически погиб, подавляя выступление банды кулака Когана. Вместе с медсестрой ведь и врача Майской больницы арестовали, он тоже ссыльный был. Не пристрелила девчонка, значит, насильника, а погиб он геройски, борясь с кулацкой бандой; и профессия у доктора самая кулацкая была, и фамилия - Коган. Оба они, и медсестра, и доктор ведь в этой колпашевской яме были, расстреляли их.

В конце восьмидесятых много говорилось о преступлениях советского режима против народа. Была опубликована в средствах массовой информации масса разоблачающего материала - документы, воспоминания, мемуары. Много говорилось о расследовании большевистских злодеяний, об увековечивании памяти погибших. Было даже создано такое общество - «Мемориал», активисты которого много говорили о том, как будут публиковать, изобличать, изучать, а также помогать восстановить историческую справедливость репрессированным и их семьям. Было подобное общество и в Томске. Мои тогда молодые и энергичные товарищи - историки активно сотрудничали с «Мемориалом». Много говорилось о создании научного центра по изучению политической истории советского периода, о изучении архивных материалов, опросе

участников и очевидцев событий. Товарищи мои состояли и в специальной комиссии, в которую входили юристы и историки. Да, что - то делалось на энтузиазме. Опрашивались и выжившие жертвы, и даже их палачи, в том числе и живой тогда ещё один из последних начальников Нарымского округа. Проводились раскопки предполагаемых мест массовых захоронений, в том числе и в одном из исторических районов Томска - на печально известной Каштачной горе, где массовые расстрелы начались ещё в гражданскую войну и активно продолжались весь сталинский период. Но центр создан не был, программа не была профинансирована, коллектив распался. Был, правда, создан музей жертв политических репрессий, этим дело и кончилось. То же самое произошло и на общероссийском уровне. Был, правда, какой - то клоунский «суд» над компартией в начале правления Ельцина, о котором сейчас уже никто и не помнит. На требования опубликовать список палачей - ведь не только же Ежов с Берией и ставший известным своими допросами маршала Мерецкова следовательно Хват совершали страшнейший в мировой истории геноцид, от последствий которого страна так и не оправилась — помнится, ответили: ведь у них, у палачей, есть дети, внуки, для них это будет моральная травма. То есть, изобличать национал - социалистских палачей, писать об их злодеяниях - это правильно, а говорить о коммуно - сциалистских изуверах - это неправильно. Вот только у тысяч и тысяч репрессированных и погибших с ними их детей, в отличие от их палачей, не было ни детей, ни внуков.

03. 08. 2012 г. Томск

Зинченко С.Н.